

Н.Л. Лужецкая

Материалы Архива востоковедов ИВР РАН о движении летучего отряда полковника Ионова на р. Бартанг в Рушане. 1893 г.

Статья посвящена публикации архивного документа — отчета о военно-политической акции, предпринятой русскими военными на Памире в преддверии Памирского разграничения. Документ публикуется впервые и содержит как описание драматических событий осени 1893 г., так и сведения о Рушане и о положении его жителей, оказавшихся на спорной территории между Россией и Афганистаном.

Ключевые слова: Архив востоковедов, Памир, Рушан, М.Е. Ионов, С.П. Ванновский.

Среди документов фонда А.Е. Снесарева в АВ ИВР РАН, относящихся к Памиру, находится группа материалов, освещающих события лета–осени 1893 г. Часть этих материалов составляют документы полковника М.Е. Ионова. Имя М.Е. Ионова непосредственно связано с историей установления российской власти на Памире. Михаил Ефремович Ионов был одним из самых выдающихся туркестанцев — той корпорации профессиональных русских военных, чья служба и жизнь прошла в Средней Азии. Среди них было множество боевых офицеров, готовых испытать себя в порой экстремальных условиях, характерных для пограничного региона. Эти офицеры отличались не только отменной боевой подготовкой, хорошим образованием, но и знанием местности, обычаев, языков населения.

Ионов родился в 1846 г., происходил из русских дворян Варшавской губернии, с детских лет избрал военную карьеру — учился в Орловском-Бахтина кадетском корпусе, II военном (юнкерском) Константиновском училище и с 1866 г., в чине подпоручика Оренбургского стрелкового батальона, оказался на войне, которую вела Россия, наступая на Бухару. И в 1867 г. он сразу же отличился в боях — за дело на р. Ак-Булак награжден Орденом Св. Станислава III степени. На следующий год Ионов участвовал в штурме Самаркандских высот, за что был удостоен ордена Св. Анны III степени, через месяц отличился в бою у Зерабулакских высот (орден Станислава II ст.). В 1869 г. он командир роты, а в 1871 г. — уже штабс-капитан, участник Хивинского похода, за который награжден орденом Владимира IV степени. Это произошло 18 января 1874 г., а через два дня Ионов произведен в капитаны и готовится к походу на Коканд. Как и раньше, он отличается в боях, особенно при штурме Андижана, после которого 30-летний майор Ионов получает орден Св. Георгия IV степени и золотую саблю «за храбрость». Таковы были первые десять лет, проведенные им в Средней Азии.

В 1878 г. М.Е. Ионова переводят в ведомство Туркестанского генерал-губернатора, где он служит на разных должностях, получая повышения по службе и неоднократно призы за отличную стрельбу. С 1883 г. Ионов командует II Туркестанским линейным батальоном, в 1886 г. становится полковником «за отличие по службе». В 1891 г. в связи с обострением ситуации на границе его посылают на Алай «началь-

ником охотничьей команды назначенных в охотничью прогулку на Алай», т.е. командиром отряда, составленного из солдат нескольких Туркестанских линейных батальонов (как написано в его послужном формуляре 1907 г.). Осенью того же года он докладывает в Ташкенте о результатах своей «охоты». Полученными им «трофеями» — ценнейшими рекогносцировочными сведениями о приграничье интересуется не только туркестанское начальство, но и Петербург, куда Ионов отбывает в октябре 1891 г. для личного доклада военному министру. Действия полковника были одобрены — он получает «бриллиантовый перстень с вензелевым изображением Высочайшего имени». С 1892 г. его служба связана с Памиром: он назначен начальником Памирского отряда и летом выступает с отрядом из г. Н. Маргелан для фактического завоевания Памира. 12 июля «при рекогносцировке под его начальством к озеру Яшиль-Куль» Ионов участвовал в стычке с афганским постом, который успешно сбил с позиций. За успешное утверждение русского владычества на Памире ему была объявлена «Высочайшая благодарность». Ионов командует всеми отрядами на Памире, в 1893 и 1894 гг. совершает новые рекогносцировочные поездки (одной из них и посвящена настоящая публикация), в 1894 г. становится генерал-майором, затем — командиром 4-й Туркестанской линейной бригады. С 1899 г. Ионов отправлен в Верный на должность военного губернатора и командира войск Семиреченской области. Здесь он становится генерал-лейтенантом (1901 г.), наказным атаманом Семиреченского казачьего войска (1899–1907 гг.) и получает «звание почетного старика Софийской станицы Семиреченского казачьего войска». Последняя запись в дошедшем до нашего времени формуляре гласит, что 19 июня 1907 года Ионов отправлен в распоряжение Военного министерства, а 21 сентября «произведен генералом от инфантерии с мундиром и пенсией», т.е. ушел в отставку (РГВИА. Ф. 1, оп. 1, д. 70225. Л. 147–155).

Дальнейшая судьба генерала Иопова прослеживается с трудом. Неизвестна даже точная дата его кончины. По одной из версий, он был убит красными в начале 1920-х годов во время отступления белых частей в Средней Азии.

Документы, публикуемые ниже, вводят читателя в круг событий на Памире, привлечших тогда внимание во многих столицах мира. В это время М.Е. Ионов являлся «начальником войск, расположенных за Алайским хребтом и на Памирах». Тогда же у штабс-капитана Ванновского, командированного во главе небольшого разъезда для рекогносцировки в Рушан¹, произошло столкновение с афганскими пограничниками. Опасаясь нежелательного развития конфликта, полковник Ионов поспешил на выручку Ванновскому, для чего принял решение совершить ускоренный бросок на р. Бартанг во главе небольшого отряда. Описание этого путешествия составляет содержание отчета Иопова, представленного по начальству осенью 1893 г. Появление русского полковника с отрядом в спорных областях Западного Памира могло еще сильнее обострить военно-политическую обстановку в районе будущей границы между российскими и бухарскими владениями с одной стороны и Афганистаном с другой².

Внезапные решительные действия Иопова встревожили его непосредственного начальника — командующего Ферганской области генерала Повало-Швейковского и вызвали озабоченность и острый интерес у высшего командования в Ташкенте и в Петербурге. Судя по документальным и делопроизводственным материалам, единицы хранения 117 в фонде А.Е. Снесарева, «Отчет по Алайскому резервному отряду»

¹ О столкновении в долине Бартанга между русским разъездом и афганским пограничным отрядом см.: Лужецкая, 2005, с. 134–152.

² Об историческом фоне событий см.: Лужецкая, 2005, с. 134–135; Халфин, 1965; 1975.

(приказы, телеграммы, сопроводительные письма, пометы, резолюции и пр.), отчет Ионова читал не только Туркестанский генерал-губенатор и командующий войсками Туркестанского военного округа барон А.Б. Вревский, но и начальник Главного Штаба генерал Н.Н. Обручев, и военный министр П.С. Ванновский, и директор Азиатского департамента МИД граф Д.А. Капнист. Бросок Ионова (несмотря на то, что отряд его отозвали с Бартанга и не позволили пока оставить там русские посты) фактически явился продолжением его демонстративных акций на Памире в предыдущие годы, предпринятых по приказанию начальства с целью обозначить намерения и претензии России в важном стратегическом регионе. Если два знаменитых «похода Ионова» 1891 и 1892 гг., как явствует из послужного списка, принесли ему награду в виде бриллиантового перстня с императорским вензелем и высочайшую благодарность, то итогом броска 1893 г. стало звание генерал-майора.

Вместе с отчетом Ионова о действиях его отряда летом–осенью 1893 г. в фонде А.Е. Снесарева хранится 35 приложений: приказы, донесения, служебная переписка с Ванновским и другими офицерами. В настоящей публикации мы ознакомим читателя с выдержками из отчета М.Е. Ионова. В написании топонимов и имен собственных сохранена орфография оригинала. Материалы хранятся в Архиве востоковедов ИВР РАН под шифром Ф. 115, оп. I, ед. хр. 117. Л. 7–30об.

Штаб Туркестанского военного округа
14 февраля 1894 г. № 35
г. Ташкент

Военному министру

Рапорт

О деятельности Алайского резервного отряда

Представляя при сем подлинный отчет бывшего начальника войск, расположенных за Алайским хребтом и на Памирах, считаю долгом доложить Вашему высокопревосходительству, что боевая распорядительность полковника Ионова, выказанная им во время командования Алайским отрядом в минувшее лето, заслуживает полного одобрения и потому вновь прошу ходатайства о производстве названного штаб-офицера в следующий чин.

Приложение: отчет.

Командующий войсками, Генерального штаба генерал-лейтенант барон Вревский
Начальник штаба, генерал-майор Хорошкин

Отчет по Алайскому резервному отряду и по движению летучего отряда на р. Бартанг в Рошане

На основании приказа Главного Начальника округа, из войск Ферганской области, приказом по этим войскам от 18-го мая 1893 г. за № 150 сформирован в г. Маргелан под моим начальством Алайский резервный отряд, причем я, вместе с тем, назначен начальником войск, расположенных за Алайским хребтом и на Памирах, а также и заведывающим Памирским населением на правах уездного начальника. <...>

Кроме Алайского резервного отряда мне был подчинен находившийся ко дню формирования Алайского отряда уже на Памирах отряд Шаджанский под начальст-

вом Генерального Штаба капитана Кузнецова и Сменный Памирский, под командою 4-го Туркестанского Линейного батальона капитана Зайцева, а также в командном отношении мне был подчинен Иркештамский пост.

До получения еще приказа о сформировании Алайского резервного отряда в частях войск, предназначенных в этот отряд, были исполнены многие подготовительные работы: так, заводились и строились разные предметы обмундирования и снаряжения для горного похода, как, например, теплушки, блистательно уже показавшие себя в течение двухлетних горных походов в суровой температуре и при снежных буранах. Производились самые тщательные медицинские осмотры как офицеров, так и нижних чинов, и все люди, сколько-нибудь слабые, выделялись из состава частей для оставления в Маргелане.

Было известно, что отряду придется провести все лето и часть осени (до половины сентября) на долине Алая, где, за исключением подножного корма, рассчитывать на приобретение чего-либо из разных родов довольствия было нельзя, а потому и приходилось заботиться, чтобы отряд еще при выступлении был снабжен возможно полнее и богаче и чтобы при отряде было все необходимое, на что указывал опыт прежних походов на Памиры. Забота обеспечить отряд с возможным избытком обуславливалась и тем соображением, чтобы Алайский резервный отряд имел способность, в случае каких-нибудь осложнений, выступить с имеющимися запасами на Памир для усиления находившихся там отрядов, резерв которых он составлял. <...>

Дальнейшее движение на Алай произведено согласно приложенного маршрута. Сделано небольшое отступление ввиду того, что в это время производились работы по разработке дороги на Талдык: пехота получила лишнюю дневку на Уч-Тюбе, двинута кратчайшей дорогой через Арчат. 16-го числа к 1½ часам дня весь отряд прибыл на Алай и расположился биваком у впадения ручья Арчата и Хатын-Арта в Кызыл-Су, на возвышенном правом берегу последней в урочище Хатын-Арт Аузы, обозначенном ошибочно на карте Сары-Ташем.

17, 18, 19 и 20 числа июня месяца были даны для устройства лагеря, хлебопекарных печей (хлеб был выпечен уже ко дню прибытия отряда командой хлебопеков, высланных с Уч-Тюбе).

С 21-го на основании приказа от 19-го июня за № 26 было приступлено к исполнению программы летних занятий согласно Высочайше утвержденных инструкций, а равно и прохождения курса стрельбы в батальоне и казаками. <...>

Лично я по прибытии на Алай и по устройстве отряда в лагере на уроч. Сары-Таш выехал на Памиры для осмотра подчиненных мне отрядов, а главное для выбора места для предполагаемого к постройке Памирского укрепления. <...>

Вернувшись с Памиров, в начале июля, я обратил все внимание на строевую подготовку частей Алайского отряда, которым предстоял смотр по прибытии на Сары-Таш Главного начальника Округа и края.

Его превосходительство изволил прибыть 2-го августа, в сопровождении вновь назначенного командующего войсками Ферганской области и ее военного губернатора генерал-майора Повало-Швейковского. 3-го августа в присутствии командующего войсками Округа был произведен парад частям Алайского отряда, а 4-го боевая стрельба с маневрированием по направлению на Бор-Тюбе и пер. Кызыл-Арт. Обозначенный мишенями противник был расположен на бугре Кок-Тюбе по дороге к Бор-Типа, верстах в 11-ти от лагерной стоянки отряда. Предположение на маневр у сего прилагаю.

6-го августа Главный начальник Округа и края изволил отбыть обратно на Маргелан и Ташкент через пер. Талдык. Одновременно с его превосходительством уехал

через пер. Кызыл-Арт на Памиры командующий войсками Ферганской области для производства смотров чинам отрядов Шаджанского и Памирского. Его превосходительству сопутствовал до Муз-Кола причисленный к Генеральному Штабу Л. Гвардии Преображенского полка капитан Ванновский, которому, по приказанию бывшего командующего войсками области генерал-лейтенанта Королькова было поручено произвести рекогносцировку Рушана и сопредельной части Дарваза, причем на сей предмет этому офицеру была дана подробная инструкция. <...>

Продолжая занятия общих сборов, войска Алайского отряда исподволь готовились к выступлению в Маргелан, которое, согласно расписания, утвержденного командующим войсками Округа, должно было последовать 16 сентября. Маршрут на путь следования отряда был представлен уже на утверждение командующему войсками Области, но ход событий несколько изменился.

В ночь на 5-е сентября получено два крайне тревожных донесения гвардии штабс-капитана Ванновского из рушанского сел. Йемц от 28 и 30 августа за № 8 и 9. Из донесений этих видно было, что авганцы уже открыли неприязненные действия и с утра 30-го августа открыли огонь по высланному патрулю и, усилившись из Кала-и-Вамара, намереваются атаковать позицию штабс-капитана Ванновского. К вечеру 30-го августа авганцы ожидали прибытия подкреплений из Кала-и-Барпанджского гарнизона, а штабс-капитан Ванновский доносил, что отступать не будет.

Ввиду подобного положения вещей я, опасаясь за участь слабого нашего разезда, далеко выдвинувшегося за пределы расположения наших отрядов, решил немедленно двинуться в Рушан, дабы поддержать штабс-капитана Ванновского и, в случае нужды, сосредоточив отряды мой, Ванновского и пост поручика Рукина, противопоставить авганцам достаточно внушительные силы и таким образом предупредить с их стороны возможность каких-либо дерзких попыток.

5-го сентября утром, представив командующему войсками Ферганской области рапорт гвардии штабс-капитана Ванновского и мое донесение за № 28, я выступил с летучим отрядом из 20-ти казаков № 6 полка Оренбургского казачьего войска и с 20-ю стрелками 2-го Туркестанского линейного батальона, назначенными в прикрытие транспорту продовольствия. Из числа офицеров Алайского отряда со мной выступили генерального штаба капитан Бедряга, 2-го Туркестанского линейного батальона капитан Арсеньев и № 6 конного полка Оренбургского казачьего войска сотник Лобанов. На случай каких-нибудь осложнений при отряде следовал обоз с 80-ю пуд. сухарей и 40 пуд. крупы, т.е. месячный запас продовольствия 70–75 человек.

7-го сентября утром я выступил с ночлега у озера Кара-Куль, повернул на Рушанский путь, одновременно послав предписание начальнику Памирского отряда капитану Зайцеву быть в готовности отправить в Рушан пулемет Максима с командой под начальством поручика конно-горной батареи Баньковского.

8-го сентября перешел перевал Аапак и на пути, к сожалению моему, убедился по следу, что ночью из Рушана прошел почтовый джигит с донесениями, вероятно, от штабс-капитана Ванновского. Джигит этот пошел кратчайшей дорогой на Муз-Кольский почтовый пост, благодаря чему миновал наш бивак.

Донесение это от 2-го сентября за № 12 я получил уже в Агач-Кургане Рошанском, оно содержало описание дела с авганцами 30 августа и последствий этого дела.

Из донесений видно было, что, продержавшись 7½ час. под огнем авганцев, штабс-капитан Ванновский, боясь быть отрезанным, ночью отошел к сел. Багу, но затем вновь вернулся на старые позиции у сел. Йемц. Хотя неполучение этого донесения вовремя было крайне тяжело, так как оставляло меня в полной неизвестности относительно положения разезда штабс-капитана Ванновского, тем не менее критического значе-

ния обстоятельство это не имело, так как донесение штабс-капитана Ванновского по смыслу своему требовало от меня безостановочного движения к низовьям Бартанга, что и делалось, так как летучий мой отряд делал переходы с утра до ночи, проходя в день в среднем около пятидесяти верст.

8-го сентября отряд перевалил через Аапак, имея ночлег за перевалом, и 9-го, спустившись к Танымасу по обрыву Кок-Яр, вступил в пределы бывшего Рошана. Особенно был труден на этом переходе крутой спуск с Памирского плато, на ложе Танымаса. Высота отвесной стены Кок-Яра из глины и конгломератов — около 100 сажен. Дорога идет бесчисленными зигзагами, короткими и узкими, притом по слабо державшейся поверхности почти отвесного обрыва. Восьмипудовый вьюк оказался слишком тяжел, и часть грузов нужно было передать на людей. Ночлег был на ур. Кызыл-Тугай, богатом лесом и кормами. Ниже урочища по Танымасу и затем Кударе идут большие тугаи, густо поросшие кустами облепихи, барбариса, березняка, и климат чувствительно изменяется к лучшему.

Немедленно по спуске на Танымас мною было послано гвардии штабс-капитану Ванновскому приказание от 9-го сентября за № 3 полевого журнала, где, сообщая о своем движении, я предлагал немедленно донести, в каком он положении находится, и, буде еще не ушел в Дарваз, держаться до получения приказаний от командующего войсками Ферганской области. Вместе с тем, для связи с постоянным постом на Кокуй-Беле, мною был оставлен джигит у подъема на пер. Кызыл-Белес в юртах летовки разбойника Саиб-Назара.

10-го, пройдя зимовку Саиб-Назара, отряд прибыл в первое рушанское селение Агач-Курган. Здесь были получены донесение штабс-капитана Ванновского от 4 сентября 1893 г. за № 14 и предписание его же начальнику наблюдательного поста в Рушане, подпоручику Рукину, от 2-го того же месяца за № 13, из которых видно было, что разъезд наш имел стычку с авганцами, которых было убито 3 человека и несколько раненых, и что штабс-капитан Ванновский отошел в сел. Багу, лежащее на 4 в. выше Йемца, и собирается тронуться в Дарваз через перевал Шид-Ак-Ба, держа связь с подпоручиком Рукиным, предписывалось остановиться, где его застанет приказание.

Авганцы получили подкрепление из Кала-и-Бар-Пянджа, но позиция, занятая гвардии штабс-капитаном Ванновским, была, по-видимому, удовлетворительна, и он имел два пути отступления: по правому берегу Бартанга на пост Рукина и через перевал Шид-Ак-Ба в Дарваз.

Полученные бумаги были мною представлены командующему войсками Ферганской области при рапорте от 10 сентября за № 4 (полевого журнала), причем я доносил, что продолжаю движение вниз по Бартангу ввиду того, что разъезд Ванновского находится еще у Кала-и-Вомара, и опасность атаки превосходящими силами со стороны авганцев далеко еще не миновала.

10-го числа к отряду присоединился конно-горной батарее поручик Баньковский, который был отправлен в Рошан по почину начальника Памирского отряда, капитана Зайцева, с пулеметом Максима и 8 казаками № 6 Конного полка Оренбургского казачьего войска. При них был ракетный станок с 5-ю ракетами. С прибытием поручика Баньковского сила отряда достигла, не считая офицеров и джигитов (последним были выданы кавалерийские карабины Бердана), 48 человек, из которых 20 вооруженных 3-х линейной винтовкой образца 1891 г.

Рассчитывая спуститься вниз по Бартангу к сс. Багу и Йемц на соединение с разъездом штабс-капитана Ванновского, я должен был принять все меры к облегчению отряда, так как дороги ниже Орошора, как это было известно, весьма плохи, в осо-

бенности на участке Орошор-Бассит, и не допускают вьючного движения. Ввиду этого я решил оставить большую часть провианта в Агач-Кургане, устроив здесь временный склад под присмотром 2-х казаков.

Двадцать лошадей, из всего числа 46 вьючных наемных, следовавших с отрядом, оказались свободными и, во избежание излишних расходов, были отправлены обратно на Алай. 11-го выступил в сел. Таш-Курган, где и ночевал того же числа. Переход этот был довольно затруднителен, в особенности на участке горного пути Кара-Курган-Таш-Курган по правому берегу Бартанга, где дорога подымается по выступам в скалистой стене с карнизами из плитняка.

Утром еще в Агач-Кургане мне было доставлено с Музкольского почтового поста донесение штабс-капитана Ванновского от 24 сентября 1893 г., содержащее описание стычки его разyezда с авганцами. Донесение, как я и полагал, разошлось с отрядом на Муз-Коле и ничего нового для меня уже не представляло, так как подробности дела были известны из предписаний штабс-капитана Ванновского подпоручику Рукину. Донесение это, подобно всем предыдущим, было немедленно представлено командующему войсками Ферганской области при рапорте от 11 сентября за № 5.

12 сентября отряд достиг большого рушанского селения Орошор, лежащего верст на 10 ниже Таш-Кургана. Селение это считается самым богатым и, так сказать, хлебным на всем протяжении долины Бартанга до Си-Пянджа и далее до Кала-и Вамара. Оно лежит на широкой ровной террасе правого берега реки, благодаря чему площадь его полей значительно превышает таковую в других поселениях края, что и обеспечивает за ним репутацию житницы этой бедной горной страны. По прибытии в Орошор я получил новое донесение штабс-капитана Ванновского от 7-го сентября за № 18 и предписание его от того же числа подпоручику Рукину за № 17. Из обоих явствовало, что штабс-капитан Ванновский, избегая, согласно данных ему инструкций, дальнейших осложнений, двинулся через пер. Шид-Ак-Ба в Дарваз и рассчитывает 8-го быть уже на бухарской территории. Одновременно таджики мне сообщили, что, по слухам, нашему разезду не удалось пройти через трудный перевал Шид-Ак-Ба и, спустившись вновь в долину Бартанга, он ищет пути на пер. Баджур. Те же таджики полагали, что и через этот последний перевал пройти нашим не удастся, а в таком разе они должны будут вновь вернуться на старую дорогу, дабы искать выходов из Рушана на Кумач-Дару, или идти вверх по Бартангу на пер. Курджум, дорога на который отходит от Орошора.

Авганцы, по слухам, не оставались праздными и послали вверх по реке отряд под начальством курбаши г. Кала-и-Бар-Пянджа таджика Разыха, поручив ему разрушить балконы и карнизы на береговой дороге и по ущельям, ведущим на перевалы пограничного дарвазского хребта. В случае успешного выполнения последнего плана, разезд наш, не найдя дороги на перевалы, мог быть поставлен в весьма трудное, если не отчаянное положение. Обстоятельство это побудило меня продолжать движение вниз по Бартангу впредь до получения достоверных вестей о переходе нашим разездом границы Рушана или до встречи с ним во время отступления его вверх по Бартангу. Донеся о сем командующему войсками Ферганской области от того же 12 сентября за № 7, я предписал штабс-капитану Ванновскому продолжать движение в Дарваз с целью рекогносцировки этого последнего, а в случае невозможности перейти пограничный хребет, отступить на Бассит, где и рассчитываю получить достоверные сведения об успехе его движения. Подпоручику Рукину, находившемуся в это время на пути к Басситу между сс. Си-Пяндж и Аджирх, было приказано остановиться, где застанет его предписание, и ждать следующих распоряжений.

13-го числа ввиду крайнего утомления людей и лошадей я вынужден был сделать дневку. Нам предстоял трудный горный путь, на котором главными препятствиями до Бассита считаются овраг, в котором пробегает речка, питаемая громадным ледником горы, названной в честь генерал-адъютанта Обручева, длинный балкон и, по словам их, отвесный подъем на скалы «Уй-Тага» («дом гор»). Наконец, не доходя 5 верст до Бассита, предстояла переправа на левый берег Бартанга, ввиду чего было сделано распоряжение о постройке в сел. Чадут пешеходного моста.

Весь путь до Бассита на протяжении 29–30 верст считается туземцами пешим, и лошадь является здесь обузою. Пришлось принять меры к сбору носильщиков и вообще передаче обоза с вьюка на людей. Во всех подготовительных работах большую пользу своей расторопностью приносил орошорский волостной управитель таджик Язгулем. Таджик этот бывал в пределах русского Туркестана, отлично владеет тюркским языком и заметно выделяется среди своих соотечественников, которыми и избран для исполнения обязанностей волостного.

В границы этой импровизированной волости, признающей себя русской, входит Кудара и часть долины Бартанга выше с. Чадут, главным ее центром считается, справедливо, сравнительно достаточное и людное селение Орошор. Язгулем явился к мне в Таш-Кургане, куда он вернулся с низовьев Бартанга, проводив разезд штабс-капитана Ванновского. 14 сентября утром отряд выступил из Орошора и подошел на 5-й версте пути к глубокому оврагу, на дне которого протекает речка, питаемая ледниками горы генерал-адъютанта Обручева. Глубина оврага не менее 150 саж., стены его совершенно отвесны, и путь пролегает по узким карнизам и местами размытой тропе; вьюк и всадник идти не могут, так как местами внутренняя стена карниза висит над тропею, едва давая место для прохода пешего человека. Все грузы были разложены на людей и носильщиков, всадники спешили, и отряд, разбитый на партии по 5-ти человек, дабы не запружать узкую размытую тропу, двинули вниз. Первый человек спустился в 8 часов утра, последний поднялся на ту сторону оврага в 12 ч. 5 м. дня, таким образом, для переправы отряда нужно было 4 часа.

Пройдя высоким карнизом вдоль Бартанга и поднявшись на высокие скалы Уй-Тага по чрезвычайно скользкой и крутой тропе, обогнув по карнизу скалу, висящую над тропею, голова отряда около 4-х часов дня вышла на небольшую площадку, где можно было стать биваком. Принимая во внимание, что начинало уже темнеть, что обоз растянулся и впереди нас ожидало новое препятствие в виде длинного карниза и балкона, причем лошадей нужно было переправлять вплавь по Бартангу, я отдал приказание стать биваком, хотя в этот день мы сделали не более 15–17 верст. Подножного корму не было, и немного саману было доставлено таджиками из Орошора.

15-го с места подняли вьюки на людей, лошадей пустили вплавь вниз по Бартангу, так как им нет дороги по скалистому утесу правого берега, а затем пришлось переправить лошадей на левый берег Бартанга при больших затруднениях, так как в бурнах реки лошади бились и не шли на левый берег и часто уносились течением вниз по реке.

На 4–5 версте перехода подошли к знаменитому балкону. Балкон этот с небольшими перерывами каменным карнизом на протяжении 400 шагов висит, частью под нависшею скалою, над пропастью, в глубине которой несется Бартанг, и, в своем роде, представляет чудо местного инженерного искусства, особенно если принять во внимание, что строители не имели другого материала, кроме ивовых ветвей и прутьев. Сооружение представляет помост, висящий на веревках из виц, закрепленных и повешенных на кольях из ивовых обрубов, загнанных в трещины скалы. В общем, все это дрожит под весом одного человека, но держится. Балкон построен давно, и

часть его разрушается населением при приближении опасности с низовьев Бартанга. Проход нашего отряда сильно расшатал скрепы, что заставило меня приказать таджикам подремонтировать сооружение.

К вечеру отряд прибыл в сел. Чадут, потеряв на дороге одну лошадь, сорвавшуюся на карнизе. Лошадь эта везла патроны к 3-х лин. винтовкам, и мы утратили около 2400 патронов, что было весьма неприятно ввиду неизвестности, ожидавшей отряд.

До Бассита оставалось не более 6–7 верст, но мост через Бартанг не был еще готов, и так как переправа на плоту («сал») из турсуков была бы слишком продолжительна при нашей численности, то я приказал остановиться на ночлег, выжидая окончания постройки.

В Чадут вечером прибыл таджик с донесением от подпоручика Рукина, в котором сообщалось, что, по слухам, разъезду штабс-капитана Ванновского удалось перевалить через пограничный хребет, хотя положительных сведений об нем еще нет. Представляя донесение командующему Ферганской области, я 15-го того же сентября доносил, что полагаю согласно разрешения Его превосходительства прибыть 16-го в Бассит, где, убедившись в справедливости слухов о благополучном переходе разъездом бухарской границы, устроить наш наблюдательный пост и самому вернуться в г. Маргелан.

Выбор мой пал на Бассит, так как, занимая это селение, мы обеспечивали себе возможность пользоваться средствами страны до Си-Пянджа включительно, что при трудности подвоза было важно. Кроме того, Бассит расположен в ущелье у спусков с труднопроходимых балконов и карнизов, и, владея им, мы лишаем авганцев возможности запереть нам выходы нашего пути к Кала-и-Вомару. Оставляя пост на значительно выдвинутой позиции, я решил усилить его состав согласно полномочия, данного мне командующим войсками Ферганской области, до 20 стрелков при пулемете Максима и ракетном станке. Последнее я считал необходимым, так как зимой путь от Кала-и-Вамара по льду Бартанга считается более удобным и возможно, что авганцы, пользуясь этим обстоятельством, двинут внушительные силы, дабы вытеснить нас за пределы Рушана. Случай с разъездом штабс-капитана Ванновского, как мне кажется, доказывал, что авганцы при случае не прочь от враждебных действий, особенно в уверенности встретить нас с превосходными силами, что для них совершенно возможно, имея достаточный гарнизон в Кала-и-Бар-Пяндже.

В этом последнем отношении наше положение представлялось менее выгодным, так как наше ближайшее подкрепление, отряд на Памире, не имеет возможности подать быстро помощь наблюдательному посту в Рушане.

Выделение из состава Памирского отряда 15 стрелков на усиление поста не могло иметь вредных последствий, так как деятельность этого отряда ограничивается наблюдением китайской границы, а как показал опыт предшествовавшей зимы, с этой стороны энергичных действий ожидать было трудно. Во всяком случае, Памирский отряд в минуту опасности и по приказанию высшего начальства всегда мог быть усилен, между тем Рушанский пост зимой, за бездорожьем на Кударе и Танымасе, оставался отрезанным.

Для нужного усиления наблюдательного поста я рассчитывал временно выделить из состава отряда, бывшего со мной в Рушане, 15-ть стрелков 2-го Туркестанского линейного батальона, пулемет и ракетный станок, начальником поста предполагался поручик конно-горной батареи Баньковский, а помощником его 4-го Туркестанского линейного батальона подпоручик Рукин.

Донеся о всем изложенном Его превосходительству, я, ввиду неимения кормов по Бартангу и по трудности приобретения фуража в селениях и ввиду тех трудностей, с

которыми сопряжен здесь уход за лошадей, составляющею обузу на трудных рошанских дорогах, я решил отправить всех лошадей за исключением офицерских и 3-х казачьих к Орошору, где на левом берегу Бартанга, у сел. Кала-Нусур, имеется тугай, поросший отличною травой, лучший и едва ли не единственный корм в долине реки.

16-го утром мост был готов. Он был устроен по известной кавказской системе в один пролет около 20 саж. длины из стволов пирамидальных тополей. В 8 часов началась переправа, причем оставшиеся лошади были сплавлены на левый берег, а около 11 часов дня отряд прибыл в сел. Бассит.

Селение это расположено в ущелье на левом берегу Бартанга у впадения ручья Диулак, сбегающего с высоких снеговых массивов («зоу») того же имени. Селение считается священным по могиле праведника, находящейся в нем, и по величине площади запашки, уступая, конечно, Орошору, превосходит соседние кишлаки.

Предполагая, на основании разрешения командующего войсками Ферганской области, избрать Бассит для расположения нашего поста, я решил оставить отряд в нем под началом сотника Лобанова, а самому с 3-мя остальными офицерами (капитаны Бедряга и Арсеньев, поручик Баньковский) спуститься ниже до соединения с подпоручиком Рукиным, дабы возможное ознакомиться с местностью между будущим постом и вероятным противником, а равно собрать вести о штабс-капитане Ванновском.

17-го числа выступил утром из Бассита, и, следуя левым берегом Бартанга, я с офицерами и джигитами прибыл в ничтожный поселок Аджирх. Здесь, но на правом берегу, стоял наблюдательный пост подпоручика Рукина в составе 11 человек, из которых 6 казаков; лошади последних были оставлены в Чадуте. Немного выше Аджирха я переправился на плоту из 8 турсуков на правый берег Бартанга и, поднявшись по крутой тропе на высоту, вышел на бивак поста. Осмотрев людей, я нашел их вполне здоровыми, несмотря на трудный и утомительный поход. Еще дня за два подпоручик Рукин захватил партию таджиков человек около 40, высланных авганцами под начальством некоего Кара-Моли-Шо для порчи дорог. Четверо или пятеро имели фитильные ружья (мултуки). Кара-Моли-Шо, повидимому, пользуется некоторым уважением, хотя и производит впечатление полудиота. Люди эти поручения не выполнили и дорог не портили, вообще их симпатии принадлежали нам, а не авганцам. Опросив некоторых, я узнал, что Ибадулла-хан выступил из Кала-и-Вомара вверх по Бартангу и дошел до Багу, выслав в авангард, у Си-Пянджа, курбашу Разыка. Имея в виду воспользоваться пленными при постройке блокгауза для поста в Бассите, я задержал их на время.

Вечером прибыли из Дарваза два таджика, Нияз и Мамат, отправленные мною с почтою к штабс-капитану Ванновскому. Они доложили, что разъезд наш действительно перевалил пограничный хребет и ныне находится в пределах Дарваза, где они его и видели, но передать почты не могли, так как были арестованы по приказанию бухарского чиновника на 4 дня и, по освобождении из-под ареста, выворены в Русан, несмотря на все просьбы пропустить их вдогонку нашего разъезда для передачи почты.

Далее таджики доложили, что представитель бухарской власти в дарвазском селении Мамадрасулбек не пропустил их умышленно по уговору с афганским курбаши Разыком.

По просьбе последнего разъезд Ванновского бухарцы не хотели пропустить через перевал Кумач-Дара и даже сделали по русским два выстрела. Сведения эти были подтверждены всеми таджиками и волостным Язгулемом, причем последний заверял, что предыдущая почта была уничтожена в Дарвазе. Обо всем изложенном было до-

несено командующему войсками Ферганской области от 20-го сентября за № 11 из Бассита.

Получив окончательные вести о благополучном переходе нашего разезда в Дарваз, я не имел более причины оставаться ниже Бассита и 19-го вместе с постом подпоручика Рукина вернулся в это селение.

Приступая к устройству поста, я дал от 20 сентября за № 12 приказание начальнику Сменного Памирского отряда капитану Зайцеву немедленно выслать на усиление в Рушан 15 стрелков из состава Памирского отряда. Люди должны были быть хорошей нравственности и крепкого здоровья, снабжены теплой одеждой и всеми вещами в предположении, что они проведут всю зиму в Рушане. При команде должен был быть прислан медицинский фельдшер с медикаментами. Патроны я предполагал передать из числа привезенных мною, с Памира же стрелки должны были получить по 120 патронов, т.е. число, которое помещается в 2-х сумках и нагрудном патронташе.

Для продовольствия людей поста я рассчитывал возможным заготовить муку на месте в количестве, потребном для 30 человек на 6 месяцев. Семимесячная пропорция сухарей, крупы, сала, уксуса и других приварочных продуктов должна была быть доставлена с Памира.

Так как конные казаки, несомненно, больше полезны были на Памирском плато, чем в узкой щели Бартанга, то одновременно с этим распоряжением мною было отправлено обратно на Памир 8 казаков, прибывших с поручиком Баньковским. Пулемет и ракетный станок были переданы в команду подпоручика Рукина.

Предполагая построить для помещения поста блокгауз, я с офицерами 21-го [сентября] осмотрел окрестности Бассита, и выбор остановился на 2-х местах: одно выше Бассита, другое ниже его на пути к Аджирху. Первое место имело преимущества для обстрела, но блокгауз, построенный по течению реки выше селения, не прикрывал его, лишая, таким образом, пост возможности пользоваться средствами жителей в случае занятия его авганцами. Помимо этого, постройке угрожали каменные обвалы, на что указывали таджики. Второе место, имея ограниченный обстрел, давало возможность блокгаузу прикрыть селение. Я остановился на последнем, для уменьшения же невыгод, вытекавших из неимения свободного обстрела, решил на вершине скалы построить небольшую башню для пулемета Максима.

Материалом служили большие кругляки и плитняк, который клали на глиняном растворе. Величина укрепления была рассчитана для помещения примерно 28–30 человек нижних чинов и джигитов и 2 офицеров; предполагалось устроить конюшню для 7–10 лошадей. Лес, плетенки и барданы были заготовлены попечением жителей за плату. К постройке приступили 21 числа, и к 24 стены достигли уже вышины груди. Все изложенное было донесено Его превосходительству в рапорте от 20 сентября за № 13.

Между тем 24 сентября было получено предписание командующего войсками Ферганской области от 17 того же месяца за № 114, которым предложено было мне, вследствие телеграммы главного начальника округа того же числа за № 714 (Прилож. № 33), не оставаться в Рушане и не оставлять там наблюдательного поста, который расположить в Таш-Кургане или другом пункте по Кударе.

В тот же день мною было послано ответное донесение командующему войсками Ферганской области за № 21, где я подробно излагал положение дел в Рушане в эту минуту.

Еще накануне, т.е. 23-го, волостной Язгулем доложил мне, что Ибадулла-хан с Разыком и авганцами поднялся вверх по Бартангу и ночует на 24-е в Си-Пяндже. Действительно, верность этого слуха подтверждали таджики селений нижнего Бартанга,

которые, бросая свое имущество и неубранные поля, бежали, спасаясь от нашествия, к Басситу. К 24-му их прибыло до ста семейств. Считая неудобным начать отступление перед лицом авганского правителя, стоявшего в 2-х малых переходах, я почтительнейше просил ходатайства Его превосходительства о разрешении оставить пост на правом, безусловно нашем, берегу Пянджа против Бассита, откуда пост этот может легко защищать, от покушения авганцев, жителей. Вместе с тем я доносил, что, вследствие огромного скопления жителей, рассчитывать на приобретение муки нельзя и ее придется подвезти из Оша или Памирского укрепления.

28 сентября утром были сразу получены предписание командующего войсками Ферганской области от 17-го и 20-го сентября № 114 и 4423, телеграмма его же от 17-го за № 423 и отзыв начальника штаба от 18 сентября за № 4382 с приложением копии телеграммы главного начальника Края за № 471. Во всех было передано приказание немедленно выйти из Рушана, оставив наблюдательный пост в Кударе. Ввиду этого я не ожидал ответа на рапорт мой командующему войсками Ферганской области от 24 сентября за № 21 и в тот же день вечером выступил из Бассита, переправился по мосту у Чадута через Бартанг и ночевал в этом селении. Выстроенный раньше мост был снесен половодьем р. Бартанг, и только к 28 сентября устроен новый мост.

Оставляя селение Бассит, тяжело было видеть мольбы собравшегося сюда населения не покидать их на жертву авганской мстительности и больно было выслушивать справедливые упреки этого населения, что мы за симпатии к нам и их услуги так жестоко бросаем на произвол всяких случайностей и голодное существование.

Населению, бежавшему в Бассит из нижних кишлаков от авганцев, было предложено или идти с нами, или скрыться в горы, причем было с моей стороны обещано уходить медленно, дабы дать возможность семьям уйти под охраной моего конвоя. Впрочем, и помимо этого соображения отступать быстро было трудно, так как трудно было достать носильщиков, занятых переноской собственного имущества.

29-го я ночевал у могилы людоедки, и так как переправить лошадей вверх по Бартангу на левый, а потом на правый берег было трудно, то в обход карнизов пришлось лошадей поднять на скалы правого берега и затем спихивать их с утеса вниз, причем много лошадей покалечили ноги.

30-го перешел овраг Обручева и подошел к Орошору, куда вытребованы были вьючные и казачьи лошади с подножного корма у селения Кала-Нусур.

Утром 1 октября рапортом за № 30 донес командующему войсками Ферганской области об исполнении его приказаний. Одновременно за № 28 мною было сообщено о последовавших изменениях начальнику Памирского отряда.

1-го мы ночевали в Таш-Кургане, а 2-го я сделал тут же дневку.

Этого же числа отделился от меня начальник моего штаба Генерального штаба капитан Бедряга, которому вследствие приказания командующего войсками Ферганской области было мною приказано: 1) пройти и снять неведомый участок пути Таш-Курган–Сарез, 2) сделать рекогносцировку дороги по Маркан-Су в Кашгар, представив соображение о разработке ее под колесный путь, и 3) произвести, если получится разрешение китайских властей, рекогносцировку дороги Кашгар–Гёз–Булункул до Ранг-Куля.

В конвой капитану Бедряга было назначено три казака № 6 полка, а переводчика и вьючных лошадей он должен был нанять из отпущенного аванса.

3-го октября капитан Бедряга донес мне, что он прошел уже Сарез и идет через перевал Пшарт на Ак-Байтал и Памирское укрепление. С ним выехал туда же поручик Баньковский, которому было предписано немедленно приступить к обучению при-слуги при двух пулеметах Норденфельдта, чего до сих пор сделано не было.

3-го числа отряд достиг Агач-Кургана и 4-го выступил на Кызыл-Тугай. На пути на урочище Полиз был выделен наблюдательный пост подпоручика Рукина в составе 6 казаков, 8 стрелков и 4 джигитов. Пост этот должен был быть обеспечен из Памирского отряда продовольствием на семь месяцев и двумя комплектами патронов, последние были переданы из 2-го Туркестанского линейного батальона. От наблюдательного поста приказано было иметь секрет из двух джигитов в Орошоре.

Имевшиеся в распоряжении начальника поста 10 берданок и патроны к ним были переданы, за неимением перевозочных средств, на хранение волостному Язгулему под его расписку.

Все распоряжения по сему были изложены в предписании начальнику Памирского отряда от 1 октября за № 29.

Помещение для поста я избрал на зимовках разбойника Саиб-Назара и, указав место для рубки леса вверх по реке Кокуй-белю, а также приказав сделать приспособления к зимнему помещению поста, я, простившись с оставляемыми чинами поста, нагнал отряд на биваке у Кызыл-Тугая.

С Кара-Куля я сообщил начальнику Памирского отряда, что отъезжаю в Фергану и слагаю с себя начальствование над войсками Памирского отряда.

9-го летучий отряд перевалил через Заалайский хребет.

По дороге я получил известие, что разъезд гвардии штабс-капитана Ванновского благополучно 2-го вступил в г. Маргелан.

11-го на Ак-Бассаге я присоединил к себе строительную команду подпоручика Аксентовича в 40 человек рабочих из людей 2-го саперного батальона и полубатальона.

Офицеру этому было поручено произвести постройку землянок на Маркан-Су, Бор-Тюбе, Кок-Тюбе, Сары-Таше и Ак-Бассаге. Постройка их ко времени моего прохода была окончена, и они представляли надежные убежища от стужи и непогоды.

15-го октября отряд ночевал в Гульче, 19 в Оше, где сделана дневка, и 23-го вступил в Маргелан.

Алайский отряд, оставленный мною 5 сентября на Сары-Таше, продолжал по 15 число занятия общего сбора, а 16-го выступил в Маргелан по маршруту, утвержденному командующим войсками Ферганской области. На ур. Суфи-Курган Алайский отряд был задержан впредь до распоряжения, вследствие телеграммы командующего войсками Ферганской области от 15 сентября за № 4359 и вновь выступил в Маргелан по телеграмме Его превосходительства от 20 сентября за № 4422. Отряд вступил в Маргелан 3-го октября.

22-го ноября прибыл в этот город Генерального штаба капитан Бедряга с казаками своего конвоя, выполнив прекрасно все поручения как по рекогносцировке путей от Таш-Кургана к устью Ак-Байтала, так и путей по Маркан-Су к Кашагару и от этого города через Булунг-Куль на Сарыкол и через Памиры.

Представляя настоящий отчет, я считаю долгом сказать, что Памиры на юг от Гиндукуша силою обстоятельств признаны за нами, и китайские власти Кашгарии фактически не посягают уже предьявлять свои права на владение им.

Точно также бывшие ханства Рошанское и Шугнанское, голосом народа, признаны принадлежащими России, и авганцы, занимая на правом берегу Пянджа только Кала-и-Вомар, фактически не владеют Шугнаном и Рошаном, а только грабят и насильничают в этих бесправных и незащищенных местностях. Дай Бог, чтобы поскорее настало то время, когда эти, принадлежащие России по договору 1873 года, местности фактически закрепятся за Россиею с проведением пограничной черты.

Начальник войск, расположенных за Алайским хребтом и на Памирах,
Полковник Ионов

Сокращения

РГВИА — Российский государственный военно-исторический Архив
АВ ИВР — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН

Литература

Лужецкая Н.Л. Материалы к истории разграничения на Памире в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН (фонд А.Е. Снесарева): «Отчет Генерального Штаба капитана Ванновского по рекогносцировке в Рушане» (1893 г.) // Письменные памятники Востока. 2005. № 2(3). С. 134–152.

Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е гг. XIX в.). М., 1965.

Халфин Н.А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX — начало XX в.). М., 1975.

Summary

N.L. Luzhetskaya

**Data on the Emergency Movement of Colonel Ionov's
Detachment towards the Bartang River in Roshan, 1893
(in the Files of Orientalists' Archive, Institute of Oriental Manuscripts, RAS)**

The article is a partial publication of File 117 contained in A.E. Snesarev's materials of the Orientalists' Archive at the Institute of Oriental manuscripts, RAS.